

Втроем мы в этот же день поднялись на вершину, но поздно вечером, так что пришлось там заночевать; на улице было минус 15°. Погода испортилась. Вершина и кратер приоткрывались на минуты и снова затягивалась. Сергей с Голиковым активно снимали все, что можно рассмотреть. Я занялся зарисовками, собирал образцы, пытался переместиться по периметру, но сделать траверс вершины было невозможно из-за обилия мощных жандармов, которые круто обрывались в кратер. Склон же был крутой и заледенелый, и срыв с него мог стоить жизни. Я увидел кратер вовсе не тот, который в свое время описала А. Былинкина. Это была бездна из двух колодцев, вложенных один в другой с общей глубиной приблизительно 450 м. Диаметр кратера составлял около 700 м. Наблюдения за состоянием вулкана, которые мы вели с вулканостанции в течение предшествующего года, не давали оснований говорить о каком-либо заметном извержении в это время. Это было новое явление в истории наблюдений. Чтобы понять реальность быстрых изменений в кратере, отмечу впечатления, которые мне рассказали братья Чаплыгины, которые поднимались на кратер недавно, летом 2012 г. Диаметр кратера был не более 250–300 м. Они смогли сделать траверс кратера за два часа. Напомню, что за несколько лет перед их восхождением кратер Ключевского вулкана во время одного «тихого» извержения полностью залило лавовой пробкой, а затем кратер снова стал углубляться при постоянной взрывной активности.

Выдающийся вулканолог А. Ритман в своей книге «Вулканы и их деятельность» сформулировал представление о морфологической емкости вулкана. По достижении таковой (предельной высоты) вулкан начинает разрушаться как при эруптивной активности, так и путем вулканотектонических оседаний. Предельным случаем является взрыв с формированием грандиозной соммы типа той, которая произошла на Везувии. Возможно, и нашего гиганта ждет подобная участь.

Хотя условия съемки были не подходящие, нам все же удалось сделать короткий фильм о состоянии кратера Ключевского вулкана, который уже не под именем Трубицина, а кого-то из спецкорей Хабаровского телевидения демонстрировался в одной из первых передач возникшего в 1964–1965 г. канала Интервидения. Увы, наши имена остались за кадром.

История восхождения на этом не окончилась. Руднев попал в больницу, у него началась гангрена одной ноги, но ногу спасли антибиотиками, а ступню частично отрезали. Аспирант его, конечно, покинул. Руднев лежал в больнице, вскоре он узнал, что его покинула жена, а впоследствии, за нарушение учебного процесса, его понизили в должности. Он получил время для написания своих впечатлений и еще собирался на Командорские острова. Когда началось грандиозное извержение влк. Шивелуч 12 декабря 1964 г., он смог его наблюдать со второго этажа больницы и дал прекрасное описание начала этого извержения, которое получило самую высокую оценку Б. И. Пийпа, первого директора Института вулканологии. В своем первом научном сообщении об извержении Б. И. Пийп ссылается на Руднева, как на самого объективного свидетеля этого события. К слову сказать, решительный и целеустремленный Руднев и после потери ступни не успокоился. Спустя 10 дней после пароксизмального извержения Шивелуча он выписался из больницы и снова пришел на вулканостанцию к А. Е. Святловскому. Попросил дать ему 2–3 упряжки собак и опытного каюра для поездки к вулкану с целью описать работу вулканологов. Святловский вызвал Ермакова, исполнявшего в то время обязанности председателя профкома, для обсуждения просьбы Руднева. Ермаков категорически высказался против этой поездки, сказав буквально следующее: «Вы хотите потерять вторую ногу?». Но через 2–3 дня Святловский все же уступил настояниям Руднева и дал ему упряжку. С каюром (кажется, это был Удачин) они доехали до конца пирокластического потока, сошедшего с вулкана, и Руднев выполнил задуманное. Вот как работали в то время...

Нам представляется, что эти факты интересны для современных читателей, которые даже могут не знать, что большая часть зимней работы вулканологов (от ноября до середины апреля) на вулканостанции выполнялась на собачьих упряжках. Сюда входила смена дежурных на выносных станциях наблюдений, пополнение продуктов, режимные обследования вулканов с обязательным отбором газов. Только по снегу можно было проводить исследования распределения пепловых отложений. Порой было нелегко. Вместе с тем, иногда эти поездки по мартовскому солнцу были восхитительными...

В последние годы восхождения на Ключевской вулкан также совершались, в первую очередь многочисленными туристами, но, к сожалению, информация о них нигде не публиковалась.

1. *Аверьянов В., Горшков А. П., Джербаиян Р. А., Фарберов А., Штейнберг Г. С.* Кратер Ключевской сопки в сентябре 1962 г. // Бюл. вулканолог. станции. 1964. № 37.

2. *Былинкина А. А., Горшков Г. С. и Огородов Н. В.* Восхождение на Ключевской вулкан 29 июля 1951 г. // Бюл. вулканолог. станции. 1954. № 20. С. 38–47.

3. *Влодавец В. И.* Посещение вершины Ключевского вулкана 28 августа 1936 г. // Бюл. вулканолог. станции. 1937. № 1. С. 19–25.

4. *Горшков А. П.* Кратер Ключевской сопки в августе 1963 г. // Бюлл. вулканолог. станции. 1964. № 37.

5. *Карпов Г. А.* Софья Набоко – прима Камчатской вулканологии // Владивосток : Дальпресс, 2012. 156 с.

6. *Мархинин Е. К., Башарина Л. А., Борисов О. Г.* Изучение состояния вулканов Ключевской группы и вулкана Шивелуч в 1958–59 гг. // Бюл. вулканолог. станции. № 31. 1961. С. 3–18.

7. *Мархинин Е. К.* Восхождение на Ключевской вулкан в период извержения (1961 г.) // Бюл. вулканолог. станции. 1968. № 34. С. 3–7.

8. *Меняйлов А. А.* Заметка о восхождении на Ключевской вулкан 30 августа 1936 г. // Бюл. вулканолог. станции. 1937. № 3. С. 3–5.

9. *Меняйлов А. А.* Извержения Ключевского вулкана // Бюл. вулканолог. станции на Камчатке. 1938. № 4. С. 3–8.

10. *Меняйлов А. А.* Деятельность Ключевского вулкана в 1946–1948 гг. // Бюл. вулканолог. станции на Камчатке. 1953. № 17. С. 21–26.

11. *Пийп Б. И.* Эруптивная деятельность Ключевской сопки в 1944–1945 гг. // Бюл. вулканолог. станции на Камчатке. 1948. № 14. с. 17–24.

12. *Пийп Б. И.* Извержение кратера Былинкиной // Бюл. вулканолог. станции. 1954. № 20. с. 48–51.

13. *Пийп Б. И.* Ключевская сопка и её извержения в 1944–1945 гг. и в прошлом // Тр. лаб. вулканологии. Вып. 11. М. : Изд-во АН СССР. 1956. 310 с.

14. *Троцкий А. И.* О поведении кратера Ключевского вулкана в 1935 г. // Изв. Гос. географ. общ-ва. 1937. № 6. С. 968–974.

15. *Ермаков В. А., Трубицин С. М.* О кольцевых обрушениях в кратере Ключевского вулкана // Бюл. вулканолог. станции. 1966. № 40.

16. *Ермаков В. А.* Извержение Ключевского вулкана в 1963–1964 гг. // Бюл. вулканолог. станции. № 41. 1966.

17. *Ермаков В. А., Трубицин С. М.* Некоторые новые данные о строении конуса вулкана Ключевского и его кратера // Вопросы географии Камчатки. 1965, вып. 3. С. 59–65.

**О. А. Красникова
ЗАПИСКА И. П. ТОЛМАЧЕВА
ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭКСПЕДИЦИЙ ПО СЕВЕРУ СИБИРИ
В НАЧАЛЕ XX в.**

Геолог и палеонтолог И. П. Толмачев совершил на рубеже XIX–XX вв. несколько экспедиций на север Сибири. В двух из них, наиболее крупных – Хатангской (1904–1905) и Чукотской (1909–1910) он был руководителем. О Чукотской, организованной Министерством торговли и промышленности, мы уже писали подробно (1), а здесь кратко коснемся истории, связанной с Хатангской экспедицией. Она была отправлена по инициативе и на средства Русского географического общества, и участники ее проделали путь из Туруханска на оз. Ессей, р. Хатангу, Хатангскую губу и Анабару (2). Задачами экспедиции были географическое и геологическое изучение обширного района, до этого никогда не посещавшегося исследователями, а также этнографические исследования. В составе экспедиции, помимо ее руководителя, геолога и палеонтолога Толмачева, были астроном О. О. Баклунд, топограф М. Я. Кожевников, переводчик В. Н. Васильев, занимавшийся также ботаническими и этнографическими сборами, и квартирмейстер С. М. Толстов. Результаты экспедиции оказались очень впечатляющими: маршрутами было пройдено более 7 000 верст, снято несколько сот фотографий, выполнена съемка, позволившая существенно уточнить на картах положение рек, островов и озер этой территории. Главной же заслугой Хатангской экспедиции стало открытие Анабарского кристаллического массива, которое существенно повлияло на представление о строении Азиатского материка и увеличило число тех, кто полагал, что древним континентальным ядром его являются не районы Забайкалья, а области Средне-Сибирского плоскогорья. Академические музеи пополнились прекрасно подобранными коллекциями: 900 образцов горных пород, 200 минералов, 2 000 окаменелостей поступили в Геологический музей Академии наук; гербарий, числом около 3 000, представляющий полную коллекцию цветковых и споровых растений исследованного

района – в Императорский Ботанический сад; обширная зоологическая коллекция была передана в Зоологический музей АН; около 300 этнографических артефактов – в Кунсткамеру (3). Благодаря успешно проведенной экспедиции и полученным значительным результатам И. П. Толмачев справедливо стал считаться одним из ведущих, если не самым крупным, знатоком Севера Азиатской России. Его путь ученого и исследователя прервался через несколько лет после смены государственной власти в 1917 г. В начале 1920-х гг. Толмачев, стараясь избежать политического давления, перебрался работать в Дальневосточный Геологический комитет, во Владивосток, и, находясь там, получил приглашение работать в США. В сентябре 1922 г. он уехал в США, в Питтсбург, где вскоре занял должность ученого хранителя Музея Карнеги, а также профессора геологии в Питтсбургском университете.

Однако Толмачев не терял связи с СССР, переписывался с коллегами, обменивался научной литературой. В числе его корреспондентов – академик Л. С. Берг, геологи А. А. Борисьяк, П. В. Виттенбург, топограф М. Я. Кожевников и др.

В 1925 г. от ученого секретаря Комиссии по изучению Якутской АССР (далее – КЯР) П. В. Виттенбурга И. П. Толмачев получил предложение принять участие в намечающихся экспедиционных работах в Якутии. Охотно приняв это предложение, Толмачев, побывавший к этому времени на соляных месторождениях штата Монтана, поблизости от нефтяных месторождений, сообщал, что собирается «понюхать, не пахнет ли нефтью» в указанных Якутской экспедицией районах, а также поискать уголь, каменную соль, гипс и пр. Переписка и обсуждение этого вопроса продолжались до зимы 1926–1927 гг. Необходимо было ходатайство Президиума Академии наук перед Народным комиссариатом иностранных дел.

Толмачеву, названному в протоколе заседания Президиума КЯР «одним из крупнейших полевых работников в области исследования Северной Азии», первоначально предполагали поручить руководство Хатангским и Янским отрядами экспедиции, для чего было необходимо разработать смету, приобрести судно для каботажного плавания и совершить рекогносцировочную поездку по Колыме. Толмачев сразу же начал работать над составлением сметы, разрабатывал инструкции и планировал предстоящие работы. Поскольку предполагалось, что экспедиция будет состоять из нескольких отрядов, специализирующихся на изучении различных направлений естествознания – геологии, ботаники, зоологии и др. и даже медицины, Толмачев в письмах щедро делился своими знаниями об этих предметах, полученными в его экспедициях. Его предложения обсуждались на заседаниях КЯР.

Экспедиция сроком три года (1927–1929) потребует, как полагал Толмачев, пятилетнего пребывания в стране. Однако сразу же перебраться снова в СССР он не мог. В это время Толмачев работал в Музее Карнеги и читал лекции по палеонтологии в Питтсбургском университете. Оставив работу в середине года, он бы создал затруднения своим коллегам по университету. В то же время, предложения от советских властей были крайне неопределенные. Первоначальный замысел подчинить Толмачеву все отряды экспедиции сменился решением поручить ему руководство только одним отрядом, соответственно сокращалось и планирующееся материальное вознаграждение. Все это общались Толмачеву в частной переписке члены КЯР. Просьба Толмачева выслать ему официальное приглашение и заключить с ним договор, защищающий его права, на основании которого ему поручалось бы выполнение определенной работы, осталась без ответа... Руководителем Колымским отрядом в 1927 г. был назначен С. В. Обручев. Тогда же Президиум АН поручил КЯР «уведомить И. П. Толмачева, что в настоящем году Академия наук не предполагает просить его прибыть в Ленинград для участия в академических экспедициях».

Масштаб и результаты этих работ хорошо известны благодаря научным и научно-популярным публикациям. Мы же остановимся лишь на одном вопросе. В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН сохранились документы, касающиеся подготовки этой экспедиции, и протоколы заседаний. Среди них – записка И. П. Толмачева, в которой он, с энтузиазмом встретив известие, что в Сибирь собираются направить «медицинский отряд», рассказывает о том, с чем ему пришлось столкнуться во время своих экспедиций. Документ представляет собой 5 машинописных листов, дата и место вписаны от руки, подлинность удостоверена личной подписью И. П. Толмачева. Документ, по нашему мнению, не нуждается в пространных комментариях, а краткие приведены по тексту в круглых скобках. Орфография и пунктуация при его публикации приближена к современной. Случайный пропуск букв в записке восполнен и выделен квадратными скобками.

«Во время моих путешествий по Северу Сибири, в значительной степени приходившихся и на Якутскую область, я, естественно, обращал много внимания на вопрос о санитарном благо-

получии населения, не мог пройти мимо печального явления вымирания целых племен и пытался выяснить, представляется ли это явление общим и неизбежным или обусловливается частными причинами, устранение которых устранил и самое явление. Результаты этих наблюдений упоминаются не раз в моих отчетах и в работах моих сотрудников и по отношению к тунгусам цитируются, напр[имер], в трудах Патканова.

Не входя в детали, скажу только, что я пришел к заключению, по отношению к ряду племен являющемуся благоприятным. Многие из них имеют в себе, несомненно, большой запас жизненных сил, и их вымирание, наблюдавшееся спорадически в Сибирской истории, является результатом причин, б[олее] и[ли] м[енее] случайных, хотя часто катастрофических, но, во всяком случае, устраиваемых.

Встречаясь с туземным населением, я по мере сил и возможностей старался оказывать ему медицинскую помощь, за которой ко мне обращались всюду, не спрашивая, могу ли я ее оказать. Были случаи, когда ко мне при[ез]жали за ожидаемой помощью за сотни верст. Я внимательно расспрашивал каждого, давал совет, какой был в состоянии, снабжал лекарствами из дорожной аптеки, часто в запас, и, как говорили, лечил, в общем, очень удачно. Количественно помощь моя была, конечно, невелика, как и действительна в случаях легких заболеваний, но это сближало меня с местным населением и лучше позволяло узнать его нужды в этом отношении, чем собиранье сведений каким-либо иным путем. Позднее мне приходилось возвращаться к тому же вопросу при снаряжении Российским обществом Красного Креста оспенных экспедиций в Туруханский край во время свирепствовавших там эпидемий, когда Общество обращалось ко мне за советом.

Вспоминая обо всем этом я с исключительной целью: показать, что вопросы эти, столь далеко стоящие от моей прямой специальности, не являются для меня совершенно чуждыми и что мои дальнейшие заключения есть результат наблюдения на местах и долголетнего обдумывания своих наблюдений и полученных на местах сведений и данных.

В бытность свою в России, возвращаясь к вопросу о медицинской помощи населению отдаленных местностей Сибири, я не раз указывал, что если, с одной стороны, необходимы более частые врачебные пункты с врачом и больницей (во время моего последнего посещения Якутской области единственный врач на весь северо-восток области находился в Средне-Колымске, а другой случайно на м. Дежнева, куда он был завезен частной компанией), то, с другой, необходимы и летучие медицинские отряды, которые оказывали бы помощь крайне редкому населению области чисто экспедиционным путем, причем эти отряды персонально должны быть независимы от стационарных, хотя в случае необходимости могли быть подчинены последним в административном и хозяйственном отношении. Я указывал также, что отряды эти должны сосредоточить свое внимание на борьбе с болезнями, которые могут успешно лечиться в этих условиях, хотя, конечно, не должны отказывать населению ни в какой форме медицинской помощи. Я обратил внимание на то, что болезни эти являются среди наиболее обычных в местности, и что победа над ними, вероятно, повернула бы вопрос о вымирании населения окраин в совершенно другую сторону.

Мне, однако, не удалось убедить, кого следовало, в необходимости посылки подобных экспедиций (хотя, вообще говоря, такие экспедиции имели изредка место), ни даже просто встретить достаточно вдумчивого отношения к этим предположениям. Понятно поэтому, с каким интересом я прочел в труде проф. П. В. Виттенбурга об Якутской экспедиции и о намерении включить в состав экспедиции и медицинские отряды, определившие, по моему мнению, совершенно правильно свои главнейшие задачи, сводящиеся к тому, чтобы исследовать медицинское состояние населения, оказать ему непосредственную медицинскую помощь и по мере возможности научить его бороться хотя бы с некоторыми болезнями, а главное, предупреждать их. В дальнейшем мне хочется высказать некоторые свои соображения о практической работе подобных отрядов, соображения, являвшиеся у меня много лет тому назад, когда я сам хлопотал об организации этим путем медицинской помощи окраинному населению.

Не касаясь этого сложного вопроса во всей широте, я считал в свое время, что по отношению к борьбе с ними болезни населения Якутской области распадаются на две более или менее резко отличающиеся группы.

Первая охватывает болезни неизлечимые или требующие продолжительного клинического лечения, или лечения под продолжительным и непосредственным наблюдением и руководством врача. К числу их относятся, напр[имер], широко распространенная в Якутской области (последние два слова зачеркнуты и над строкой вписано простым карандашом, почерком не Толмачева: “Якутии и Чукотии.” – О. К.) проказа, сифилис, ряд нервных заболеваний и многие другие страдания. Работа

летучих отрядов в этом случае вряд ли может принести большие результаты в деле собственно лечения. Очень важно, однако, ознакомить население с признаками этих болезней, в особенности в их первичной стадии, путями и способами заражения, научить его предосторожности против заражения при общении с больными и, насколько возможно, предупредительным мерам.

Другие болезни, весьма многочисленные, часто эпидемические и тогда нередко принимающие характер катастрофического народного бедствия, могут быть вообще отнесены к числу острых заболеваний, принимающих иногда хроническую форму, но и тогда поддающихся сравнительно легко энергичному и правильному лечению. Некоторые из них легко могут быть предупреждаемы, от других, благодаря их легкой распознаваемости, легче уберечься. К числу их относятся все острые заразные болезни, как напр[имер], оспа, на долю которой необходимо отнести вымирание целых племен не только в Сибири, но и в самых различных местностях земного шара, корь, среди северного населения отнюдь не являющаяся относительно легкою болезнью, поражающею и взрослых, и мн.др. К этой же группе относится ряд глазных болезней, в особенности трахома, заражение глистами, чрезвычайно широко распространенное, отчасти многочисленные женские болезни и мн. др.

Борьба с болезнями второй группы является главнейшей задачей летучих отрядов, и помощь, которая может быть оказана населению, мне представляется неизмеримой по своему объему и значению. Конечно, трудно ожидать, чтобы отряду или даже отрядам удалось встретиться со всеми болезнями этого порядка, в особенности с острыми эпидемическими болезнями, но некоторые из них являются постоянными или с ними возможно постоянно бороться, и против этих-то заболеваний в первую очередь и должна, по моему мнению, направиться энергия отрядов.

Когда в свое время меня спрашивали, как я представляю себе медицинские экспедиции в трудных местных условиях и при неизбежной ограниченности средств и сил, я неизменно отвечал: «Привейте населению оспу, дайте ему глистогинов, научите лечить трахому в самом начале заболевания и помогите женщинам, хотя бы в некоторых формах заболеваний, и вы оздоровите население в пределах, которые теперь трудно представить».

Прививка оспы. Как известно, представляет крайне простую операцию, в сравнительно еще недавнее время производившуюся совершенно случайными оспопрививателями, даже тогда, когда оспенный детрит брался от другого пациента. Отряд может поэтому производить оспопрививание не только своими силами, но и привлечь к непосредственной работе представителей местного населения, остановившись, конечно, на наиболее толковых и надежных лицах. В свое время этим, напр[имер], охотно занималось духовенство. Мне самому оспа в детстве была привита дьяконом, хотя это было в городе (Иркутске), где не было недостатка во врачах или хотя бы фельдшерах. Необходимо, однако, иметь в виду известные предосторожности, чтобы не заморозить детрит во время перевозок зимою, когда во многих местах области и делается наиболее удобное сообщение, равно как и в жилых помещениях, ночная температура в которых часто опускается ниже нуля. Мы возили и хранили оспенный детрит в согреваемых хронометрических ящиках, и устройство подобных хранилищ не представляет никаких трудностей, тем более, что этим же путем необходимо сохранять и различные медицинские сыворотки. Т[ак] и [азываемые] термосы с успехом могут быть применены для этой цели. К хранению в жилых помещениях с понижающейся температурой ночью также легко приспособиться. Стоит, напр[имер], коробку с препаратом, стоявшую в теплом помещении открытой и, следовательно, принявшую комнатную температуру, на ночь завернуть в олений или иной мех, чтобы вполне предохранить ее от замерзания ночью.

Во время своей Хатангской экспедиции, когда особенно много приходилось лечить, я не взял с собой глистогинов, хотя предвидел возможность заражения для членов экспедиции, но считал, что лечение в случае надобности может быть сделано по возвращении. Я не раз пожалел об этом позднее, так как во многих случаях у населения не только имелись глисты, но и в количествах, вызывающих уже известные страдания. Я наблюдал, напр[имер], острое малокровие, которое должен был приписать этому. В других случаях малокровие, зависящее от той же причины, было хроническим. В том и другом случае результатом было ослабление организма и понижение его сопротивляемости в случаях других болезней. Это обилие внутренних паразитов находит себе объяснение в обильном употреблении населением сырого мяса и, в особенности, сырой рыбы. Если не считать жителей городов, то можно сказать, что в холодное время года, т. е. приблизительно в течение 7 месяцев, жители Якутской области каждый день едят струганину, т. е. нарезанную стружками мерзлую рыбу, что считается деликатесом (и является им). Один из обитателей низовьев Колымы, живший хорошим хозяином, хвалился мне, что его погребла настолько хороши, что они могут есть струганину и летом. Бороться против сырой пищи было бы совершенно нерационально, во-первых, потому,

что борьба была бы совершенно безнадежной, а во-вторых, вполне возможно, что этим население предохраняется от скорбута (иное название цинги. — *О. К.*), болезни вполне возможной в данных условиях. Насколько население само готово бороться против глистов, видно из того, что больные соглашались принимать внутрь скипидар, который в виде опыта я пробовал давать вместо более действенного лекарства, между прочим, без хорошего результата.

Глазные болезни, в частности трахома, широко распространены в Якутской области, и случаи слепоты далеко не редкость. Часть последних, часто квалифицируемых слепорожденными, должна быть, вероятно, отнесена на гонорею новорожденных, но во многих случаях слепота является результатом более поздних заболеваний. Между тем, трахома сравнительно легко лечится в начале, насколько мне известно, прижиганием купоросом (медным), чему легко могли бы научиться толковые местные жители, хотя бы те же предполагаемые оспопрививатели, о которых упоминалось выше. Очень желательное участие в отряде опытного окулиста, который мог бы восстановить зрение не одному слепому путем снятия катарактов. Много лет тому назад в Якутск была направлена глазная экспедиция, про работу которой мне много рассказывали на месте, сообщая трогательные рассказы об ощущениях якута, бывшего слепым около двадцати лет и вдруг прозревшего после легкой операции.

Мне только раз почти что пришлось взяться за обязанности акушера. Было это на оз. Ессей. Когда я что-то делал около дома, ко мне подошел зимовавший на озере миссионер и без дальнейших околичностей спросил, умею ли я удалять детское место. Оказалось, что на озере была роженица, разрешившаяся от бремени уже три дня тому назад, но лежавшая с невышедшим детским местом. Я сказал, что никогда мне этого делать не приходилось, но я знаю прием и готов сделать, что нужно, зная, что в противном случае роженице угрожает смертельная опасность. Мы предварительно, однако, устроили своего рода консилиум и решили попытаться дать роженице предварительно сильную клизму. К моему удовольствию, этот прием дал желаемые результаты, и моей помощи не потребовалось. Позднее я видел эту женщину совершенно здоровой, насколько, по крайней мере, можно было судить по внешнему виду. Но если я не имел дела непосредственно с больными, то ко мне за советами неоднократно обращались мужья больных женщин, обыкновенно страдавших кровотечениями, по рассказам, часто очень изнурительными. В громадном большинстве случаев это результат каких-нибудь неполадок при родах, что отчасти доказывается и тем, что дальнейшее деторождение нередко прекращалось. Я вынес убеждение, что болезни этого рода чрезвычайно распространены в крае и, ослабляя организм женщины, они легко делают его легкой добычей самых различных заболеваний, на что, между прочим, указывает и приводимая в труде П. В. Виттенбурга статистика, показывающая, во-первых, очень большую женскую смертность вообще, а во-вторых, то, что смертность эта падает главным образом на брачный возраст. Помочь в случаях подобных заболеваний, конечно, сложнее, чем во многих выше рассмотренных случаях, но очень часто здоровье женщины могло бы быть восстановлено при помощи сравнительно легкой операции. Мне представлялось и представляется весьма желательным, чтобы отряд был готов к этому и был в состоянии производить подобные операции. Во многих случаях большую пользу могут принести разного рода советы и указания роженицам или, еще лучше, женщинам, готовящимся сделаться матерью, для чего очень желательно иметь в составе отряда женщину-врача или фельдшерицу и лучше всего со знанием местного языка.

В заключение я должен сказать, как туземное население северной Сибири в лице своих даже наименее культурных представителей относится к чужому для них человеку, в котором они видят ясное желание оказать им посильную медицинскую помощь. С удивительным, можно сказать, прямо трогательным доверием, что, с одной стороны, чрезвычайно облегчает работу, а с другой, как-то обязывает человека, приходившего с ними в столкновение, стремиться продолжить оказание этой помощи, если и не путем личной работы, то, по крайней мере, сообщением своих немногочисленных и чисто любительских наблюдений и заключений.

И. Толмачев, Pittsburgh, Pa.
1925, ноябрь, 28» (4)

Несомненно, это важное свидетельство о состоянии здоровья населения севера Сибири в начале XX в. не останется без внимания тех, кто занимается историей края.

1. Красникова О. А. Формирование картографических представлений о Чукотском побережье Северного Ледовитого океана на рубеже XIX–XX вв. // «О Камчатке: ее пределах и состоянии...»: мат. XXIX Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2012. С. 150–153; Колымская экспедиция Седова // Наука из первых рук. 2012. № 12. С. 93–105; Чукотская экспедиция И. П. Толмачева: в поисках Северного пути // Наука из первых рук. № 2 (56). 2014. С. 88–107.

2. Красникова О. А. Хатангская экспедиция РГО 1905 г. под руководством И. П. Толмачева и Академия наук // Наука и техника: Вопросы истории и теории: тез. XXIX международной годичной конференции Санкт-Петербургского отделения национального комитета по истории и философии науки и техники (24–28 ноября 2008 г.) / отв. ред. Э. И. Колчинский. Вып. XXIV. СПб. : СПбФ ИИЕТ РАН, 2008. С. 85–87.

3. СПФ АРАН. Ф. 1053. Оп. 1. № 51. Конспект доклада И. П. Толмачева в РГО с изложением результатов экспедиции и дальнейших планов по обработке экспедиционного материала. 20 л. и др.

4. Там же. Ф. 138. Оп. 1. 1925. № 34. Л. 48–52.

Н. И. Курохтина БЫСТРИНСКАЯ СРЕДНЯЯ ШКОЛА: МНОГОЛЕТНИЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ

27 августа 1924 г. Далькрайисполкомом было издано временное положение «О Дальневосточных Советах национальных меньшинств на Дальнем Востоке» (5), в котором рекомендовалось все мероприятия Наркомпроса и соответствующих отделов народного образования по просвещению «национальностей нерусского языка» приближать «к национально-бытовому и языковому особенностям народностей Камчатки». К этому времени здесь на протяжении почти трех лет уже неоднократно делались попытки организовать школу для кочующих оленеводов-эвенов (ламуты) (После Приполярной переписи 1926–1927 г. ламуты стали называться эвенами. – *Авт.*), населяющих территорию в бассейнах рр. Ичи и Быстрой (нынешний Быстринский район). Инициатива шла от самих эвенов. Только в 1924 г. на одни телеграфные заявления и просьбы в Губоно быстринскими оленеводами было потрачено 75 рублей. Не получив ответа на свои многочисленные требования, ламуты сами на должность учителя пригласили первого попавшегося, совсем не подходящего для педагогической деятельности, русского. Увезли его в стойбища. Отдали палатку-церковь под школу и свезли по радиусу 100–200 км со всех кочевий детей. Выделив две юрты для проживания, за общественный счет организовали питание. Распоряжением Губоно учитель в кратчайшее время был с должности снят, но занятия продолжались. Их вел малограмотный ламут, когда-то обучавшийся у священника в Тигиле. В ноябре 1925 г. учителем в ламутскую школу-палатку был назначен К. Н. Бауэрман (этнограф), который прибыл туда в марте 1926 г. 26 марта 1926 г. на территории будущего Быстринского района состоялся съезд эвенов-кочевников, на котором постановили: «...школу именовать “Быстринская ламутская школа 1-й ступени имени ЦК Севера при Президиуме ВЦИК”». Эта дата считается днем рождения Быстринской средней общеобразовательной школы. Первые учителя – А. П. Адуканов и К. Н. Бауэрман».

По отчету инспектора Губоно М. Жедяевского «О работе школ Камчатки за 1926 г.» (2), в Ламутской школе на р. Быстрой на это время обучалось 11 учащихся (мальчики) от 8 до 15 лет. Поделены они были на две группы. Первая – 5 мальчиков: не умели читать, писали только палочки, рисовали. Вторая – 6 мальчиков: слабо читали и писали, решали примеры в четыре действия по арифметике и наизусть без запинки рассказывали «Объяснительную записку к временному положению о родовых туземных управлениях». Девочки в школе не обучались: им надо было заниматься домашним хозяйством. Курс обучения составлял три года. К осени ламуты построили деревянное здание. В нем разместилось родовое управление, а две комнаты были отданы под школу: одна – классная, другая – для учителя.

Вернувшийся из порученной ему командировки по организации родового управления, Бауэрман привез в школу много учебников и письменных принадлежностей. В апреле 1927 г. быстринские школьники-эвены уже самостоятельно смогли написать письмо в областную газету «Полярная звезда». Его подписали: П. Тылканов, Л. Банаканов, Н. Неревля, Н. Амганов, А. Черканов, М. Солодииков, И. Адуканов, Н. Черканов, Е. Солодииков, П. Ичанга, К. Дыгдычев, С. Мандятов. Часть из них, скорее всего, потом составила первый выпуск Быстринской школы. В 1928 г. учителем эвенской школы стал впоследствии ученый и автор работы «Среди ламутов» М. С. Антропов. По его воспоминаниям, более чем скромное помещение после дынных, душных юрт, школа для взрослых ламутов являла большую гордость. Они приходили сюда «по делу и без дела», интересовались каждой мелочью в школьной обстановке. Еще больший интерес она вызывала у детей. Им были любопытны любые пустяки: разложенные на столе книги, пузырьки домашней аптечки, посуда... Любимым занятием эвенской детворы было рисование. Дети очень старательны, но письмо и счет давались им

с трудом. Из-за отсутствия письменности на родном языке уроки велись с помощью старшекласников на русском. За счет чего теряли качество. Одной из первостепенных задач учителя было приобщение эвенских детей к личной гигиене и санитарии. Вместе со сторожем грели воду и, засучив рукава, каждую неделю мыли ребят, стирали и сушили белье в комнате учителя.

Школа быстро стала и первым очагом культуры, центром общения кочевого населения. В ней выпускали стенгазету «Ламутская правда» (история сохранила из нее несколько статей Г. Солодиикова; опубликованы в газете «Абориген Камчатки», 2011, 26 сентября), 7 ноября 1929 г. здесь состоялся праздник «Освобождение». В конце 1928/1929 учебного года школа выпустила первых учащихся с трехклассным образованием: 7 человек. Потом, в большинстве своем, они работали техническими секретарями в туземных райисполкомах. Из выпуска следующего года пятеро стали студентами Ленинградского и Хабаровского пединституты. В 1931 г. была разработана национальная письменность, получены буквари на эвенском языке. Родной язык стал преподавать Г. Т. Солодииков, но, к несчастью, в этом же году первая деревянная школа сгорела, и несколько лет подряд под нее занимали другие здания. В 1933 г. первым официальным директором школы стал А. М. Копытин. Новое двухэтажное, светлое, просторное, уютное здание было выстроено в 1937 г. С этого времени по 1976 г. оно верно служило многим поколениям быстринцев. Сейчас в нем размещается районная администрация.

В 1937 г. состоялся выпуск с полным начальным четырехклассным образованием – 14 человек, а в 1940 г. из стен школы вышли первые семиклассники: А. Б. Адуканов, Н. А. Адуканов, И. Н. Адуканов, В. Мирский, Р. Нестеренко, В. Ф. Попова, П. А. Черканов. Выпускники 1941 г. Г. Черканов и С. Адуканов были направлены в Ленинградский институт народов Севера. Там они вступили в народное ополчение и, защищая Ленинград, погибли смертью храбрых. На полях сражений с фашистской Германией остались и другие ученики: Э. Коерков, К. Амганов, А. Солодииков. Ушли на фронт и погибли учителя школы П. Ф. Сидоренко, П. И. Блинов. Награжден орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги» выпускник 1929 г. ветеран Великой Отечественной П. М. Ичанга. Воевал с 1943 г. и потом стал участником Парада Победы 24 июня 1945 г. в Москве В. К. Адуканов.

До 1955 г. школа была семилеткой и только в 1955/1956 учебном году она перешла в формат неполной средней: в ней открылся восьмой класс. До этого все, кто хотел продолжить учебу, ехали в Ключи, Мильково, Петропавловск. Открытый восьмой класс давал желающим дорогу к полноценному среднему образованию. В этот период в школе директорствовал Алексей Павлович Пешков. При нем тогда и сформировался основной, по-настоящему профессиональный и активный, педагогический состав, заложивший лучшие традиции Быстринской средней школы. Это учителя начальных классов С. П. Севастьянова, К. А. Кочеткова, Р. М. Кречетова, Р. В. Бычкова (Золотухина), завуч и прекрасный литератор, увлеченная, даже можно сказать, одержимая своей работой, Л. К. Каменская, учительница немецкого языка В. И. Суховерхова, биолог В. И. Карабут, физик В. М. Веремьев, математик Н. П. Сазонов, учитель русского языка К. Н. П. Костромина, географ Е. А. Кропотова, историк М. И. Клокова, старшая пионервожатая Р. И. Петрова. Количество учащихся достигло 150 человек. В школе устроили учебную мастерскую: установили там токарный и сверлильный станки, циркулярную пилу. Смонтировали радиоузел, еженедельно стало вещать школьное радио. Купили электродвигатель, и в школу впервые пошло электричество (до этого вечерние и утренние занятия проходили под свет керосиновых ламп и свечей). Были созданы хорошо оснащенные специализированные кабинеты физики и химии. Открылась пионерская комната с настольными играми, детскими журналами, газетами, книгами. В медицинском кабинете, где работала фельдшер К. А. Пешкова, не только наблюдали детей, но и учили их оказывать первую медицинскую помощь по системе ГСО («Готов к санитарной обороне»). В спортивный зал приобрели спортивные снаряды, лыжи, спортивную обувь. Расцвел заброшенный пришкольный опытный участок. Рядом со школой построили первую в селе теплицу, где под руководством учителя начальных классов С. П. Севастьяновой и преподавателей-естественников дети выращивали тогдашнее чудо сельского хозяйства Камчатки – огурцы и помидоры. Учителя буквально не выходили из школы: вели кружки, дополнительно занимались с отстающими, обучали домоводству, кройке и шитью, бальным танцам, готовили тематические и праздничные вечера, вместе с детьми занимались спортом, художественной самодеятельностью, организовывали осенние и ситцевые балы, выставки детского творчества. Обучали искусству фотографии, выжиганию и резьбе по дереву, вышиванию.

В июне 1955 г. в районном Доме культуры состоялся первый пионерский слет. Присутствовали 45 человек. Пять лучших пионеров – Д. Мандятова, Д. Тылканова, В. Агапов, Е. Оркин,